

реводчик, в свою очередь, переводил для м-ра Фукуды. Как сообщил позднее официальный представитель ПНГ, м-р Сомаре решил пользоваться пиджином, поскольку может лучше выразить на нем свои мысли”.

Большинство европейцев (лингвисты не исключение) традиционно считали креольские языки и пиджины лишь исковерканными формами английского, французского и других языков. Этот предрассудок довольно долго мешал успешному функциональному развитию креолов и расширенных пиджинов, изданию на них литературы, использованию в образовании и официальных сферах. В 1953 г. ООН даже обязала Австралию, управлявшую в то время подопечной территорией Новая Гвинея, отменить использование пиджина в административных целях и прекратить субсидировать те школы, где на нем велось обучение.

Важным функциональным отличием расширенных пиджинов и креолов является то, что первые не на всей территории своего распространения функционируют в полном объеме. Для многих носителей в удаленных центральных районах Новой Гвинеи ток-писин продолжает оставаться вспомогательным средством элементарного межэтнического общения, т. е. стабильным, но не расширенным пиджином. Тем не менее в качестве языка-посредника он постепенно вытесняет региональные лингва-франка.

Примеры быстрого структурного и функционального развития пиджинов, роста их престижа наблюдаются и в других регионах мира. Например, *фанагало*, возникший на юге Африки как пиджин для поддержания элементарной межэтнической коммуникации и еще несколько десятилетий назад ассоциировавшийся исключительно с отношением “хозяин—слуга”, стал ведущим языком общения в многонациональных трудовых коллективах, он широко используется и в быту; часто к нему прибегают и южноафриканские индийцы [Mesrtrie 1989]. Любопытно, что фанагало, ни для кого не будучи родным языком, становится символом идентичности даже для белых южноафриканцев. В литературе описан такой показательный эпизод: белого южноафриканца, эмигрировавшего в Новую Зеландию, приятель снимает на видеопленку, чтобы отослать ее знакомым в ЮАР как рождественский подарок. Тот, сначала смутившись, говорит в объектив: *Heu wena? Ini wena buka?* ‘Эй, ты? Куда смотришь?’ — и после паузы добавляет: *Kanjani lara*

kaa? ‘Как дела на родине?’. Использование фанагало в данном случае иллюстрирует его важную символическую ценность для говорящего.

2.5. Владение языком как социолингвистическая проблема

В каждой науке наряду с терминами, имеющими более или менее строгие дефиниции, существуют интуитивно понимаемые, неопределяемые термины. При этом, как это ни парадоксально, подобные термины нередко обозначают базовые понятия. Таково, например, понятие числа в математике, понятие слова в лингвистике (до сих пор не существует единого и при этом непротиворечивого определения термина *слово*).

К таким интуитивно понимаемым, формально не определяемым относится и понятие *владение языком*. Более того, до сравнительно недавнего времени это словосочетание и не осознавалось лингвистами как терминологическое. Само собой разумеется, что можно говорить о владении языком, если человек умеет понимать высказывания на данном языке и строить на нем — по определенным правилам, общим для всех говорящих на данном языке, — тексты (устные и письменные).

Современный этап развития лингвистики знаменателен, в частности, тем, что понятия, ранее осмысливавшиеся чисто интуитивно или не имевшие строгих толкований, начинают получать эксплицитные определения. Такова, например, судьба некоторых традиционных грамматических понятий: “управление”, “согласование”, “грамматическое значение” (в отличие от лексического) и некоторых других, которые во второй половине XX в. подверглись пересмотру и существенным уточнениям (главным образом с позиций формального описания языка для целей, связанных с созданием действующих моделей языка).

Так случилось и с понятием *владение языком*.

Поскольку в качестве основной задачи лингвистики в последние десятилетия выдвигается задача *моделирования речевой деятельности* человека или, иначе, того, как человек владеет языком, постольку естественно и необходимо

выяснить, что имеется в виду, когда говорят о владении языком.

Ю. Д. Апресян, одним из первых в отечественной лингвистике четко сформулировавший указанную задачу, принял попытку расчленив понятие *владение языком* на составляющие. По его мнению, владеть языком значит: 1) уметь выражать заданный смысл разными (в идеале — всеми возможными в данном языке) способами; 2) уметь извлекать из сказанного на данном языке смысл, в частности — различать внешне сходные, но разные по смыслу высказывания и находить общий смысл у внешне различных высказываний; 3) уметь отличать правильные в языковом отношении высказывания от неправильных [Апресян 1980: 2].

В такой интерпретации владение языком — это собственно языковые умения говорящего: способность к перифразированию, умение различать многозначность и омонимию, владение синонимией и интуитивное представление о норме. Эта интерпретация является, по существу, более детальной разработкой того, что американский лингвист Н. Хомский назвал *языковой компетенцией (competence)* говорящего. Помимо компетенции Хомский выделяет *языковое употребление (performance)* — то, как используют язык говорящие.

Развивая (и одновременно критикуя) эти идеи Хомского, другой американский исследователь — Делл Хаймс показал, что знание языка предполагает не только владение его грамматикой и словарем, но и ясное представление о том, в каких речевых условиях могут или должны употребляться те или иные слова и грамматические конструкции. Хаймс ввел понятие *коммуникативной компетенции* и теоретически обосновал необходимость различать *грамматичность* высказывания и его *приемлемость* в данных условиях общения, в данной социальной среде [Hymes 1972: 278—281]. Грамматичность примерно соответствует тому, что Хомский называет *competence*, а приемлемость — тому, что у Хомского обозначено термином *performance*. Оба этих свойства составляют навык, именуемый *коммуникативная компетенция*, и таким образом оказывается, что владение языком представляет собой не чисто лингвистический, а социолингвистический феномен.

Вслед за Д. Хаймсом на необходимость изучения языковой способности человека в тесной связи с социализаци-

ей и с широким социальным контекстом, в котором протекает речевая деятельность людей, указывали У. Лабов, С. Эрвин-Трипп, Ч. Филлмор и другие исследователи.

Ч. Филлмор, например, в одной из своих работ сделал попытку разграничить собственно языковые знания человека и владение им информацией о различных компонентах акта коммуникации. “Основные факторы коммуникативного события, — пишет он, — таковы: личность отправителя сообщения, личность предполагаемого получателя или адресата сообщения, осведомленность отправителя о посреднике или очевидце коммуникативного события, код, используемый собеседниками, тема и специфическое содержание сообщения, форма его, свойства канала, посредством которого передается сообщение, обстановка или социальная ситуация, в рамках которой имеет место сообщение, и функция, в которой выступает сообщение в данной ситуации” [Fillmore 1973: 277]. Указывая на недостаточность собственно лингвистического компонента для того, чтобы говорить о подлинном владении языком, Филлмор пишет: “Есть ясные случаи грамматичных предложений (типа *I love you*) и ясные случаи неграмматичных наборов слов (типа *the of of*); но кажется, что решение вопроса о том, как квалифицировать неясные случаи, должно основываться на понимании ситуации, а не просто на грамматике, которая порождает все явно грамматичные предложения и терпит неудачу при порождении явно неграмматичных фраз...” [Там же: 283].

Это указание на ограниченные возможности чисто грамматического подхода при анализе живой речи перекликается с мыслью, которую настойчиво повторяет У. Лабов: грамматика описывает многие реально встречающиеся высказывания как ошибки, между тем как этими ошибками насыщена разговорная речь и они не ведут к непониманию. Следовательно, лингвистическая теория должна быть построена таким образом, чтобы она была способна описывать и объяснять не только “чистые” случаи, но и якобы ошибочные — а на самом деле объясняемые ситуацией и иными факторами — высказывания [Labov 1966; 1970].

Развивая эти взгляды на задачи лингвистического описания, Джон Гамперц ввел понятие *контекстуализации* (англ. *contextualisation*). Оно основано на том, что говорящий озабочен не только тем, чтобы доводить до слушателя правильно сформулированные утверждения, но и тем, что-

бы эти утверждения были вписаны в соответствующий контекст, в котором они получили бы надлежащую интерпретацию [Gumperz 1984: 17]. Дж. Гамперц указывает такие виды контекстуализации: переключение кода, повышение или понижение тона, изменение скорости речи, изменение позы говорящего и др. Все они могут служить сигналами, указывающими на то, что одна тема разговора кончилась и начинается другая. Поскольку говорящий в своем поведении постоянно использует подобные сигналы, они должны учитываться при описании языка и правил его употребления в различных коммуникативных ситуациях.

Можно сказать, что к настоящему времени мнение, согласно которому лингвистическое описание должно ориентироваться не только на словарь и грамматику, но и на социальный контекст использования языка, стало общепринятым. Однако такого признания недостаточно для того, чтобы ясно представить себе структуру того, что может быть названо термином *владение языком*. Можно выделить несколько уровней владения языком в зависимости от того, какого рода информация о языке и его использовании имеется в виду.

2.5.1. Собственно лингвистический уровень

Собственно лингвистический уровень включает три упомянутых выше умения, или способности, говорящего: способность к перифразированию, способность понимать сказанное на данном языке и умение отличать правильные высказывания от неправильных. Этот уровень отражает свободное "манипулирование" языком безотносительно к характеру его использования в тех или иных сферах человеческой деятельности. Хотя сущность этого уровня владения языком вполне ясна, проиллюстрируем каждое из умений несколькими примерами.

Способность к перифразированию проявляется в том, что одну и ту же мысль говорящий может выразить по-разному. И чем больше перифраз он может использовать, тем выше (в этом отношении) степень его владения языком. Например: *Переходя улицу, будьте особенно внимательны.* = *При переходе улицы будьте особенно внимательны.* = *Когда вы переходите улицу, (то) будьте особенно внимательны.* = *Переход улицы требует (от пешехода) особой внимательности.*

сти. = *Особая внимательность — вот что требуется при переходе улицы* и т. д.

Понимание текстов на данном языке не нуждается в каких-либо иллюстрациях ввиду полной очевидности этого навыка. Распознавание же многозначности и омонимии заключается в способности носителя языка осознавать неоднозначность таких словосочетаний и предложений, как, например: *люблю Чехова* = 1) 'люблю произведения А. П. Чехова'; 2) 'люблю человека по фамилии Чехов'; *посещение писателя* = 1) 'кто-то посетил писателя'; 2) 'писатель посетил кого-то'; *Школьники из Костромы поехали в Ярославль* = 1) 'костромские школьники поехали в Ярославль'; 2) 'Школьники (не сказано, какие) поехали из Костромы в Ярославль' и т. п.

Речь, в особенности устная, насыщена подобными неоднозначными высказываниями, однако коммуниканты не испытывают от этого особых неудобств, так как многозначность (или омонимичность) снимается контекстом и ситуацией общения. Владение синонимией заключается, с одной стороны, в навыке перифразирования (когда один и тот же смысл выражается разными синонимичными конструкциями — примеры см. выше), а с другой — в умении находить общий смысл во внешне различных словосочетаниях и предложениях. Например, человек, владеющий русским языком, должен опознавать как тождественные по смыслу пары словосочетаний типа *деревянные ложки — ложки из дерева*; *оконное стекло — стекло для окон*; *продуктовый магазин — магазин, где продаются продукты* или варианты высказываний и вопросов типа: *Подвиньтесь, пожалуйста.* — *Можно попросить вас подвинуться?* — *Вы не могли бы подвинуться?* и т. п.

Наконец, человек, владеющий каким-либо языком, должен уметь определить, как можно, а как нельзя говорить на этом языке (но он не обязан знать причины этого: разбираться в причинах "правильностей" и "неправильностей" — дело лингвиста). Например, владеющий русским языком, не колеблясь, отнесет к неправильным фразы типа: **Он сделал мне помощь* (вместо: *оказал помощь*); **С минуту воцарилось молчание* (вместо: *На минуту воцарилось молчание* или *С минуту длилось молчание*); **Я имею шестьдесят килограмм веса* (вместо: *Я вешу шестьдесят килограмм(ов)* или *Во мне шестьдесят килограмм(ов)*) и т. п.

Эти знания и умения составляют основу навыка, называемого “владение языком”. Очевидно, однако, что для свободного общения на том или ином языке трех указанных умений недостаточно. Можно хорошо знать правила произношения, правила грамматики, нормы словоупотребления, уметь использовать разные языковые средства для выражения одной и той же мысли, обладать отменным чутьем на разного рода языковые неправомерности, но при этом не иметь необходимых навыков нормального для данного языкового сообщества коммуникативного поведения, недостаточно умело применять лингвистические знания и способности в реальной речевой обстановке. Природный, “подлинный” носитель языка обычно способен варьировать речь в зависимости от своих отношений с адресатом, от цели речи и многого другого (о чем мы уже достаточно говорили выше). Поэтому помимо собственно лингвистического уровня владения языком целесообразно выделять еще и другие.

2.5.2. Национально-культурный уровень

Этот уровень предполагает владение национально обусловленной спецификой использования языковых средств. Носители того или иного языка, с детства овладевая словарем, грамматикой, системой произносительных и интонационных средств данного языка, незаметно для себя, чаще всего неосознанно, впитывают и национальные формы культуры, материальной и духовной. Нередко эти культурные обычаи бывают связаны со специфическим использованием языка, его выразительных средств.

Так, в Венгрии чай *варят*, а в России *заваривают* (поэтому для русского человека выражение *варить чай* необычно, странно, хотя сказать так по-русски можно, — тем самым это выражение нельзя признать языковой неправомерностью). В Финляндии яйца продают на вес, а не на десятки, как это принято в России; отсюда возможные высказывания в речи финнов, овладевающих русским языком, типа: *Взвесьте мне, пожалуйста, килограмм яиц*, которые природному носителю русского языка, конечно же, кажутся странными (хотя в чисто языковом отношении они вполне правильны)²⁶.

²⁶ Примеры заимствованы из книги [Верещагин, Костомаров 1976: 91–92].

Национально обусловлены многие речевые стереотипы, т. е. обороты и высказывания, “жестко” прикрепленные к той или иной ситуации и варьируемые в строго определенных пределах. Так, у русских приняты следующие стереотипные начала разговоров по телефону: — *Алло!* — *Да!* — *Слушаю!* или: — *Я слушаю, Слушаю вас* и немногие другие (при снятии трубки в ответ на телефонный звонок). Немец, даже достаточно хорошо владеющий русским языком, может в этом случае произнести: — *Пожалуйста!* (как бы предлагая звонящему начать говорить). Представляясь собеседнику по телефону, русский говорит: — *Это Петров (это Дмитрий Иванович, это Коля)*. Немец или француз, следуя принятым в их национальных традициях стереотипам, могут сказать: — *Здесь Гофман;* — *Здесь Поль* (кальки немецкого *Hier ist Hoffman* и французского *ICI Paul*).

Существенным компонентом национально-культурного уровня владения языком является знание *коннотаций* слова — тех стандартных, общепринятых в данном обществе ассоциаций, которые возникают у говорящих при произнесении того или иного слова. Такие стандартные ассоциации очень часто бывают обусловлены национально.

«Французское *eau*, — писал Л. В. Щерба, — как будто вполне равно русской *воде*; однако образное употребление слова *вода* в смысле “нечто лишенное содержания” совершенно чуждо французскому слову, а зато последнее имеет значение, которое более или менее точно можно передать русским *отвар* (*eau de riz, eau d'orge* — рисовый отвар, ячменный отвар). Из этого и других мелких фактов вытекает, что русское понятие воды подчеркивает ее пищевую бесполезность, тогда как французскому *eau* этот признак совершенно чужд» [Щерба 1958: 86].

Слово *сокол* в русском языковом сознании связано с такими свойствами, как бесстрашие, гордость. На этой основе родилось переносное употребление этого слова применительно к летчикам. Во французском языке у соответствующего слова (*faucou*) таких ассоциаций нет, поэтому употребить слово *faucou* по отношению к авиатору для француза такая же нелепость, как для русского сказать о летчиках *наши славные воробьи*.

Слово *корова* ассоциируется с такими свойствами, как толщина (телесная) и неповоротливость; поэтому возможны бранные выражения с применением этого слова по отноше-

нию к человеку, преимущественно к женщине, что совершенно непонятно и невозможно для индусов, в национальных традициях которых — поклонение корове как священному животному.

Черный цвет в русском обществе (так же, как в большинстве других европейских социумов) — символ траура. Само прилагательное *черный* в прямом своем значении имеет соответствующую коннотацию, обусловленную указанным семиотическим фактом. Благодаря связи “черный — траур” в языковом сознании говорящих по-русски ироническое выражение *траур под ногтями* легко понимается и может быть столь же легко переведено на языки, обслуживающие те общества, в национально-культурных традициях которых цветом траура является также черный цвет. Однако для перевода этого выражения на языки тех наций, которые имеют иные традиции символического обозначения траура (например, в некоторых культурах Востока для этого служит белый цвет), необходимы комментарии.

Коннотации могут быть обусловлены не только национальными, но и социальными различиями между говорящими. В этом случае по-разному коннотируются одни и те же факты данного национального языка. Так, за словом *материал* портному и юристу, ученому и скульптору видится разная реальность; глагол *сидеть* вызывает разные ассоциации у подсудимого и у молодых родителей (чей ребенок уже ползает, но еще не сидит) и т. д.

Факты такого рода давно и хорошо известны. Однако не всегда обращают внимание на то, что подобные различия имеют непосредственное отражение в сочетаемости соответствующих языковых единиц. В речи представителей каждой социально-профессиональной группы активизируются те лексические, семантические и синтаксические связи слова, которые актуальны для соотношения слова с реалией или ситуацией, лучше других знакомой говорящему: *сшить брюки из дорогого материала; На вас поступил компрометирующий материал; Ему удалось получить интересный экспериментальный материал; Из какого материала этот памятник? Ее сын сидит в тюрьме; Сынишка у них уже сидит* и т. п.

Таким образом, в речевой практике людей, принадлежащих к разным социально-профессиональным группам, активны различные фрагменты корпуса языковых средств:

наиболее свободно и легко они владеют теми фрагментами, которые отражают их социальный статус и профессиональную деятельность.

2.5.3. Энциклопедический уровень

Владение языком на этом уровне предполагает знание не только слова, но и “мира слова”, т. е. того реального мира, который стоит за словом.

Например, владение русским словом *часы* предполагает знание не только собственного значения этого слова, его лексической и грамматической сочетаемости (*часы идут, стоят, спешат, отстают, остановились, тикают, бьют, точные часы, на часах — половина второго* и т. п.), фразеологических сочетаний, содержащих это слово (*точен, как часы; Счастливые часов не наблюдают*), и другой чисто языковой информации, но и многочисленных разновидностей прибора для измерения времени: часы механические, электрические, электронные, водяные, солнечные, атомные; наручные, карманные, стенные (или настенные), будильник, ходики, часы с кукушкой, куранты и др.

Знание “мира слова” проявляется, в частности, в правильном представлении о родо-видовых отношениях между вещами и понятиями. Так, носитель русского языка знает, что *мебель* — это общее название для дивана, шкафа, стола, стульев, кресел и других видов мебели, что *перебегать, переплывать, переползать, перелетать* и другие подобные глаголы могут быть обобщены глаголом *перемещаться*. Такое знание имеет важные логические следствия как для речевого общения в целом, так и для построения логически правильных высказываний. Например, для образования цепочек однородных членов в предложении необходимо соблюдать условие, благодаря которому такие члены и называются однородными: они должны обозначаться словами, которые называют вещи или понятия одного логического уровня. Можно сказать: *В комнате стояли стол, стулья и еще кое-какая мебель*, но нельзя: **В комнате стояли стол, стулья и мебель*. Можно сказать: *Спасаясь от лесного пожара, всё живое в лесу перебегало, переплывало, переползало, перелетало подальше от огня*, но нельзя: **Спасаясь от пожара, всё живое перебегало, переползало и перемещалось подальше от огня*.

Помимо родо-видовых, между вещами и понятиями, а также между действиями и событиями существуют и другие отношения — причинно-следственные, временные, пространственные и т. п. Знание этих отношений позволяет человеку отличить логически нормальное высказывание от аномального, неправильного: *На улице сыро, потому что идет дождь* (но не: **На улице сыро, поэтому идет дождь*); *Он встал, оделся и вышел на улицу* (но не: **Он оделся, встал и вышел на улицу* или **Он вышел на улицу, оделся и встал* — во всяком случае, такие предложения описывают необычные ситуации). Пример из речи ребенка: **Завтра я был в детском саду, а вчера не пойду* свидетельствует не только о том, что говорящий не овладел значениями слов *завтра* и *вчера*, но и о том, что он не имеет ясно представления о взаимном расположении смыслов ‘вчера’, ‘сегодня’, ‘завтра’ на оси времени.

Приведенные здесь неправильные высказывания являются *логическими аномалиями* в отличие от приводившихся выше языковых неправильностей. В самом общем виде различие между языковой неправильностью и логической аномалией может быть сформулировано так: языковая неправильность — это высказывание, противоречащее возможностям данного языка (так не говорят по-русски, по-английски, по-арабски и т. д.), логическая аномалия — это высказывание, противоречащее нормальной логике вещей (так не бывает, хотя по-русски (по-английски, по-арабски) так сказать можно): ср. сочетания типа *круглый квадрат*, *жидкий лед* и т. п. (подробный анализ различий между языковыми неправильностями и логическими аномалиями содержится в работе [Апресян 1978]).

Кроме рассмотренных трех уровней владения языком, выделяют еще *ситуативный уровень*. Умение применять языковые знания и способности — как собственно лингвистические, так и относящиеся к национально-культурному и энциклопедическому уровням, — сообразно с ситуацией составляет этот уровень владения языком.

В главе 1 (раздел “Коммуникативная ситуация”) мы достаточно подробно рассмотрели компоненты ситуации общения и проиллюстрировали важность ситуативных условий для правильного использования языковых средств. Поэтому здесь ограничимся констатацией положения о том, что знание ситуативных условий речи органически входит в навык, называемый “владение языком”.

2.6. Социальный аспект речевого общения

Речевое общение представляет собой сложный процесс, в изучении которого можно выделить разные аспекты: собственно лингвистический (анализ тех языковых средств — фонетических, интонационных, лексических, грамматических, которые используются в коммуникации), психологический (установка общающихся друг относительно друга, их коммуникативные интенции, индивидуальные особенности поведения и т. п.), социальный. Последний аспект включает в себя *статусные* и *ролевые* различия между людьми (о понятиях *социального статуса* и *социальной роли* см. в главе 3), проявляющиеся в актах коммуникации, общественные стандарты и требования, предъявляемые к тем или иным формам речевого поведения, социальные различия между говорящими в их отношении к собственным и чужим моделям речевого поведения и т. п.

Рассмотрим некоторые проблемы, относящиеся к социальному аспекту речевого общения.

2.6.1. Речевое общение в социально неоднородной среде

При исследовании речевого общения часто неявно предполагается, что человеческая среда, в которой происходит общение, однородна в социальном отношении. Между тем весьма обычны ситуации, когда коммуникация осуществляется представителями разных социальных слоев и групп. Таково, например, общение судьи, подсудимого, обвинителя, адвоката и свидетелей в зале суда, посетителей на приеме у представителей власти, в ролевых парах типа “покупатель — продавец”, “врач — пациент”, “хозяин квартиры — сантехник”, “водитель такси — пассажир” и т. п.

Для успеха коммуникации необходимо своеобразное взаимное приспособление участников коммуникативной ситуации. Такое приспособление может касаться: 1) набора языковых средств; 2) правил их использования в данной ситуации; 3) тактик речевого общения; 4) при контактном общении — ее невербальных компонентов (жестов, мимики, телодвижений и т. п.). Для всех четырех типов коммуникативного приспособления имеет значение различие комму-